

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 930.8 (471.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-12-32

**ВОИНСКИЙ КЛАСС И ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО
ЧЕРКЕССКОГО ОБЩЕСТВА
(XV – СЕРЕДИНА XIX в.)****А.С. МИРЗОЕВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр 'Кабардино-Балкарский
научный центр Российской академии наук'»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: marzeibach@mail.ru*

Аннотация. Предметом исследования в статье является эволюция структуры, социального состава, численности, мобилизационных возможностей, принципов формирования воинского класса Черкесии в период с XV по 60-е гг. XIX столетия. Изучение этих вопросов способствует пониманию историко-политических и социально-экономических процессов, происходивших на Центральном и Северо-Западном Кавказе в период с Позднего Средневековья по Новое время. Указанные цели рассматриваются с использованием принципа историзма, историко-сравнительного, ретроспективного, сравнительного и других методов. В статье анализируются состояние источников и историографии, различные оценки исследователей по обозначенной проблеме, высказывается своя точка зрения. Научная новизна предлагаемой статьи заключается в том, что в ней определяются главные факторы, повлиявшие на эволюцию воинского класса Черкесии: распространение в XVII в. огнестрельного оружия в виде фитильных ружей и смена комплекса вооружения в течение XVIII в., ставшего следствием появления ружей с нарезным стволом и кремниевым замком. Рассматриваются вопросы роста численности воинского класса в XVII в. за счет крестьянских сословий; формирования в XVIII в. из крестьянского ополчения, ранее использовавшегося исключительно в пехоте, конного бездоспешного войска; увеличения удельного веса дворянства в структуре населения феодальных владений Черкесии. Отмечаются специфика и различия в составе воинского класса, способах мобилизации, принципах формирования войск и военной организации в аристократических и демократических политиях Черкесии. На основе анализа источников определяется реальный и потенциальный воинский ресурс аристократических и демократических политий Черкесии, демографический потенциал и их эволюция в течение периода XVII–XIX вв. Если в XV–XVI вв. основу вооруженных сил всех политий Черкесии составляло немногочисленное, профессиональное конное дворянское войско, то в период XVII–XIX вв. воинский класс Черкесии увеличился за счет различных категорий крестьянства. Реальный воинский ресурс

Черкесии для XVII в. оценен в 70 тыс. человек, для XVIII и XIX вв. – около 90 тыс. человек. Общий демографический потенциал Черкесии в XVIII – середине XIX в. оценивается в 900 тыс. чел.

Ключевые слова: воинский класс; мобилизационный ресурс; способы мобилизации; смена комплекса вооружения.

MILITARY CLASS AND MILITARY ORGANIZATION OF TRADITIONAL CIRCASSIAN SOCIETY (15 – MID 19th CENTURY)

A.S. MIRZOEV

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences'»*

360000, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: marzeibach@mail.ru

Abstract. The subject of research in the article is the evolution of the structure, social composition, number, mobilization capabilities, principles of the formation of the military class of Circassia in the period from the 15th to the 60s of the 19th century. The study of these issues contributes to the understanding of the historical-political and socio-economic processes that took place in the Central and North-Western Caucasus during the period from the Late Middle Ages to the New Age. These goals are considered using the principle of historicism, historical-comparative, retrospective, comparative and other methods. The article analyzes the state of sources and historiography, various assessments of researchers on the indicated problem, and expresses its own point of view. The scientific novelty of the proposed article lies in the fact that it defines the main factors that influenced the evolution of the military class of Circassia: the spread in the 17th century. firearms in the form of wick guns and a change in the armament complex during the 18th century, which was the result of the appearance of guns with a rifled barrel and a flint lock. The article deals with the growth of the military class in the 17th century. at the expense of the peasant classes; formation in the 18th century. from the peasant militia, previously used exclusively in the infantry, mounted armless troops; increase in the proportion of the nobility in the structure of the population of the feudal possessions of Circassia. The specifics and differences in the composition of the military class, methods of mobilization, principles of the formation of troops and military organization in the aristocratic and democratic polities of Circassia are noted. On the basis of the analysis of sources, the real and potential military resource of the aristocratic and democratic politicians of Circassia, the demographic potential and their evolution during the period of the 17–19th centuries are determined. In the 15–16th centuries the basis of the armed forces of all the polities of Circassia was a small, professional equestrian army of the nobility. In the period of the 17–19th centuries, the military class of Circassia increased at the expense of various categories of the peasantry. The real military resource of Circassia for the 17th century estimated at 70 thousand people, for the 18 and 19th centuries – about 90 thousand people. The general demographic potential of Circassia in the 18 – mid 19th centuries is estimated at 900 thousand people.

Keywords: military class; mobilization resource; methods of mobilization; change of the armament complex.

Введение

Начиная с раннего средневековья и вплоть до последних дней независимого существования базовая личность адыгского общества – это воин, а доминирующая тема – военная культура, милитаризованный быт. Это было обусловлено как перманентным силовым давлением извне, так и внутренними социальными процессами. Военизированный быт стал основой сложения военной культуры, как определяющего фактора всей социальной организации [Мирзоев 2013: 73].

Здесь сложился специфический воинский культ и многочисленный воинский класс [Марзей 2004: 26]. Его костяк составляли черкесские князья (пши) и многочисленное, возглавляемое ими, сословие дворян (урков). Военное ремесло составляло исключительное занятие урков: им было предосудительно заниматься любой производственной деятельностью, торговлей и даже религией. Надо заметить, что подобный образ жизни вела и часть крестьянства. Война была важным средством социальной мобильности: крестьянин, неоднократно проявлявший храбрость во время сражений, мог быть возведен в дворянское звание [Марзей 2004: 28].

Особенностью социальной структуры феодальных социально-политических образований Черкесии было то, что воинский класс в них составляли не только представители высших сословий, но и различные категории крестьянства, пользовавшиеся правом ношения и использования оружия. Но их роль и место в составе воинского класса в разные исторические периоды была различна. Объектом исследования является в целом воинский класс всех территориальных единиц этносоциального пространства Черкесии, условия его формирования и эволюция в ходе исторического развития. Предметом исследования являются такие аспекты как численность, структура, демографический и воинский потенциал, влияние новых видов вооружения в виде различных типов огнестрельного оружия на динамику численности и структуры воинского класса.

Вопросы, связанные с военной организацией традиционного адыгского (черкесского) общества, структурой и численностью воинского класса освещаются в работах как ранних авторов (Хан-Гирей [Хан-Гирей 1992], С. Броневский [Броневский 1823], И. Бларамберг [Бларамберг 1992], В.А. Потто [Потто 1994], Н. Дубровин [Дубровин 1991]), так и представителей советской исторической школы (Е.Н. Кушева [Кушева 1963], В.К. Гарданов [Гарданов 1956; Гарданов 1967], Е.Д. Налоева [Налоева 2015]), а также современных ученых (Б.Х. Бгажноков [Бгажноков 2004], Т.Х. Алоев [Алоев 2008], Дж.Я. Рахаев [Рахаев 2009], З.А. Кожев [Кожев 1998; Кожев 2019; Кожев 2020] и др.).

В этих работах указанные параметры (потенциал, структура, численность) рассматриваются в исторической динамике, но не рассматривается основная причина происходивших изменений – смена комплекса вооружения, произошедшая в XVII и XVIII вв. Задача настоящей статьи – показать взаимосвязь между изменениями потенциала, структуры и

численности воинского класса и вышеуказанным фактором, а именно – распространением огнестрельного оружия.

Воинский класс и его структура

Начиная с XV в. место воинского класса в этносоциальном пространстве Черкесии можно проследить по письменным источникам. В первом в средневековой литературе этнографическом описании адыгов, принадлежащем перу Дж. Интериано, «страна зихов, именуемых черкесами» предстает как ряд самостоятельных феодальных владений с разделением общества на князей, дворян, крестьян и рабов. Первые два сословия образуют, по сути, особый воинский класс, для которого занятие каким-либо видом деятельности, кроме военной и административно-управленческой, было неприемлемо. Это были исключительно конные воины, обладавшие дорогостоящим наступательным и оборонительным вооружением [Интериано 1974: 47, 49]. Крестьянам было запрещено иметь в своей собственности кольчуги и верховых коней. Они привлекались к военным действиям только в случае серьезной внешней угрозы: князья раздавали им оружие, которое забирали сразу же после завершения военных действий. В феодальных междоусобных войнах крестьяне участия не принимали. У Интериано нет сведений о военном и демографическом потенциале Черкесии, но в его повествовании есть свидетельства высокого уровня военной подготовки черкесских воинов [Интериано 1974: 50].

Из русских источников известно, что в XVI в. огнестрельное оружие не было распространено среди черкесов. Кабардинские князья прорусской политической ориентации постоянно просили московское правительство о присылке им в помощь стрельцов «с огненным боем» для участия в войнах со своими политическими противниками [Кушева 1963: 131]. Такая помощь им неоднократно оказывалась, но на просьбы о покупке в Москве огнестрельного оружия они получали неизменно отказ.

Со второй пол. XVII в. на Кавказ из Крыма и Османской империи через торговые связи и как трофеи массово поступает огнестрельное оружие в виде фитильных ружей. Конструкция, габариты, тяжелый вес фитильных ружей не позволяли использовать их в среде конных воинов. Поэтому элитная черкесская кавалерия продолжала делать ставку в бою на клинковое оружие – длинную черкесскую саблю. Огнестрельное же оружие адаптировалось в среде пеших воинов, которые в Черкесии набирались исключительно в крестьянской среде [Кушхабиев, Наков 2017: 114].

Пехота в феодальных политиях Черкесии формировалась всегда из крестьянских сословий, но в предыдущий исторический период (XV–XVI вв.) она широко не использовалась. Теперь же, в письменных источниках второй пол. XVII в. среди воинских контингентов феодальных владений часто наряду с конными воинами упоминаются многочисленные отряды пехоты, вооруженной ружьями. В частности, по свидетельству турецкого путешественника Э. Челеби, жанинский князь Антонико – «владелец 10 тысяч богатырей-всадников с колчанами и пеших черкесов-джигитов с ружьями» [Челеби 1979: 63]. «Бей

хегаков Энджерук-бей» владеет 3 тысячами конных и пеших воинов [Челеби 1979: 62]. Представители черкесской феодальной аристократии сражались исключительно верхом, конь и защитное вооружение были маркерами рыцарской культуры. Конная панцирная кавалерия именовалась по-черкесски «уэркъыдзэ» (дворянское войско), вооруженное крестьянское ополчение обозначалось, согласно фольклорным данным, термином «шхъуэ».

С этого времени в воинских контингентах увеличивается численность необученных, лишенных защитных доспехов, но многочисленных масс пехоты, набираемых из числа крестьянских сословий [Челеби: 1979: 52–98].

Таким образом, в XVII в. в составе воинского класса черкесских феодальных владений происходят важные изменения – крестьянские сословия, вооруженные огнестрельным оружием, наряду с дворянством включаются в состав воинского класса. Как и раньше, они использовались при внешней угрозе, в междоусобных внутренних конфликтах принимала участие только панцирная дворянская кавалерия.

Как отмечает З.А. Кожев, Кабарда в XVII в. представляла собой яркий образец феодального общества, в котором основной боевой силой в феодальных войнах выступало немногочисленное, но высокопрофессиональное рыцарское дворянское конное войско [Кожев 2019: 118, 122, 123, 127, 129].

В феодальных войнах того времени легкая кавалерия, набранная из крестьян, не вооруженных защитным доспехом, не могла бы противостоять дворянской панцирной коннице. По этой причине простая недоспешная конница из т.н. «черных людей» в это время не использовалась.

В XVIII в. на Кавказ из Турции поступают ружья с искровым кремниевым замком. Со временем местные мастера налаживают производство ружей, обладавших рядом специфических черт, что позволило дать им определение «кавказский тип ружья». В отличие от турецких образцов, это были облегченные ружья с тонкой ложей, узким длинным прикладом, нарезным стволом и кремниевым замком. Конструкция кремниевого замка и самого ружья, система ношения его в бурочном чехле позволили адаптировать его к использованию в кавалерии [Аствацатурян 1995: 10]. Именно в это время из крестьян начинают формировать отряды легкой недоспешной кавалерии. Происходит окончательная смена комплекса вооружения. На смену комплексу, использовавшемуся сугубо в аристократической среде (кольчуга, шлем, налокотники, длинная черкесская сабля, лук со стрелами, кинжал), приходит новый комплекс, сформировавшийся в крестьянской среде (ружье, шашка, кинжал) [Кушхабиев, Наков 2017: 113–114].

Появление кремневых ружей с нарезными стволами и их широкое распространение имели серьезные последствия, приведшие к изменениям в социально-политическом устройстве и в структуре воинского класса черкесских политий. Но эти процессы развивались по-разному в Западной и Восточной Черкесии.

В Западной Черкесии свободные общинники – тфокотли, владея собственными крепостными крестьянами, активно занимаясь торговлей, которой пренебрегали аристократические сословия, сделались богаче и

зажиточнее большинства князей и дворян. Верхушка тфокотлей, находясь по сословной принадлежности за пределами адыгского дворянства, фактически приближалась к классу феодалов [Гарданов 1967: 200]. Наравне с уорками тфокотли считались воинами, обладавшими необходимыми этикетными качествами, высоко ценимыми в черкесском обществе. Дворяне из аристократических черкесских субэтносов охотно отправляли своих детей на воспитание к старшинам-тфокотлям из числа шапсугов, абадзехов и натухайцев, так как аталычество, наряду с наездничеством, было ключевым институтом воинского воспитания черкесской молодежи из аристократических сословий.

Широкое распространение в крестьянской среде огнестрельного оружия ускорило упадок военного могущества местных феодальных династий, основанного на исключительном праве владения дорогостоящим комплексом рыцарского вооружения.

Вышеперечисленные факторы привели в XVIII в. к крестьянской революции в Западной Черкесии. Тфокотли не только освободились от всякой формы феодальной зависимости, но и лишили князей и дворян привилегий в политической и военной сфере. На этнополитической карте Черкесии в первой четверти XVIII в. появились политии с народно-демократической формой правления – Абадзехия, Шапсугия и Натухай [Гарданов 1967: 143–144]. Военная, политическая, судебная власть в них была сосредоточена в руках выборных старейшин. При избрании руководящих органов учитывался как территориальный, так и клановый принцип. Образовавшиеся демократические политии были очень привлекательны для зависимых крестьян Темиргоя, Бжедугии, других равнинных феодальных княжеств, и они массово туда переселялись, обретая свободу и становясь полноправными членами так называемых «адыгских братств» [Гарданов 1967: 252–264]. Поэтому численность шапсугов, натухайцев и абадзехов в XVIII в. значительно выросла, соответственно сократился по сравнению с XVII в. демографический и военный ресурс соседних с ними аристократических феодальных владений Черкесии.

Смена комплекса вооружения со второй пол. XVIII в. в Восточной Черкесии (Кабарде), напротив, способствовала увеличению удельного веса дворянства в социальной структуре общества. Дорогостоящие кольчуги, легко пробиваемые пулями из нарезных ружей, потеряли свое значение как оборонительный доспех и перестали быть обязательным компонентом «уэркъ тын» (узденской дани) – даров, получаемых дворянами при поступлении на службу к князю. При этом крепостные крестьяне (одна или несколько семей) оставались составной частью «узденской дани», так как без них дворяне, которым хозяйственная деятельность была запрещена, не могли поддерживать свой социальный статус. У князей, чье военное и политическое могущество прямо зависело от количества находящихся у них на службе дворян, появилось больше материальных возможностей обращать в дворянское сословие представителей крестьянства и переселенцев из других обществ, принимая их к себе на службу. Общая доля уорков в социальной структуре Кабарды увеличилась с 10 % в XVII в. до 20 % во второй пол. XVIII – первой пол. XIX в.

[Бгажноков 2004: 52]. По оценке Дж. Я. Рахаева, численность дворянства в Кабарде в XVIII в. достигала трети населения страны [Рахаев 2009: 126].

Геополитическое положение Кабарды, расположенной в центре Северного Кавказа, имевшей врагов и союзников на многих фронтах, необходимость контроля над пограничными пространствами требовали ресурсного напряжения и численного роста воинского класса [Рахаев 2009: 126].

В Западной Черкесии по свидетельству Р. Скасси все мужчины «с возраста 13–15 лет и до старости приучены носить оружие» [Скасси 1974: 285]. Он не делает никаких оговорок для различных сословий, однако вряд ли домашние рабы (унауты) обладали правом ношения оружия.

В феодальных владениях Черкесии крепостное крестьянство (пшитли) делилось на чагаров (огов) и холопов (лагунапытов). Термины «чагары» и «холопы» использовались в русских документах. Наименования оги (гуэгу) и лагунапыты (лэгъунэут) – черкесского происхождения [Думанов 1990: 132]. Оги жили отдельными дворами за пределами усадьбы своего господина, вели собственное хозяйство, выплачивали фиксированный адатами натуральный оброк и выполняли сравнительно незначительную барщину [Гарданов 1967: 220–221]. Особенностью феодальных отношений в Черкесии было то, что крепостные крестьяне из сословия огов могли владеть крепостными крестьянами из сословия лагунапытов. Последние либо захватывались в плен в ходе военных предприятий, в которых участвовали оги, либо приобретались ими покупкой [Правовые нормы... 1997: 62, 87, 173]. Зажиточные оги, владеющие лагунапытами, могли высылать их вместо себя на работы, связанные с отработочной рентой. Частично освобождая себя от производительного труда, оги получали возможность уделять время военному ремеслу. Они занимались наездничеством, воспринимали воинский образ жизни, и их можно отнести к воинскому классу. В русских источниках они фигурируют как токашавы (черкесское лъхукъуэщауэ или лъхукъуэщо – букв.: «крестьянские витязи»).

Поэтому они привлекались феодальными владельцами к воинской повинности: «Чагары княжеские должны из каждого дома всякий день являться верхом на собственной лошади и с оружием к князю для услуг и исполнять все приказания его...» [Правовые нормы... 1997: 46, 169]. При этом в нормах обычного права оговаривается, что «крепостные люди участвуют в набегах и сражениях не иначе как с дозволения своего владельца, совместно с ним, который имеет оных при себе как телохранителей своих...» [Правовые нормы... 1997: 147, 174].

Часть зажиточной верхушки чагаров, сама эксплуатировавшая холопов, с помощью института аталычества сближалась со знатью и постепенно порывала связь со своим классом. Из чагаров обычно пополнялась промежуточная прослойка между дворянами и крестьянами – сословия бейголей (бейгуэл) и пшичеу (пщыкIэу) [Налоева 2015: 132]. Бейголи несли военную службу у князей и выполняли полицейско-административные функции (взимали штрафы, собирали налоги, следили за порядком и др.). Пшичеу выполняли

функции личных телохранителей князей в мирное и военное время. Другая часть чагаров, откупаясь на волю, пополняла сословие азатов – крестьян-вольноотпущенников. Со второй половины XVIII в. их число в Кабарде заметно увеличилось. Освобожденные от отработочной и натуральной ренты, азаты привлекались к военной службе своими бывшими владельцами [Налоева 2015: 257]. Из среды азатов, как правило, пополнялось сословие исламского духовенства, ставшее довольно многочисленным в первой половине XIX в. Представители духовенства, согласно адатам, обязаны были «непрерывно участвовать в сражениях, делаемых черкесами, быть всегда впереди и даже нередко предводительствовать оными» [Правовые нормы... 1997: 139].

Несмотря на то, что крестьяне были широко представлены в воинском классе, основу военного могущества адыгских феодальных владений составляло дворянское войско во главе с князьями. Военные силы западночеркесских демократических политий формировали свободные общинники-тфокотли, представлявшие собой большинство населения. Но и здесь дворянам, в силу их узкого профессионализма и превосходства в военной сфере, на время войны предоставлялись командные полномочия, доверялось руководство военными предприятиями.

Мобилизационные возможности и демографический потенциал

О расселении, численности, социальной организации, военном ресурсе адыгских народностей с княжеским правлением ценные сведения сообщает турецкий сановник Эвлий Челеби.

В описании путешествия по Северному Кавказу он констатирует, что к XVII в. многие этнические группы черкесов оформились как самостоятельные политические единицы – княжества со своей территорией, населением, специфическими названиями областей и их жителей: Хегак и хегаки, Жанэ и жанейцы, Хатукай и хатукайцы, Адами и адамильцы, Болоткай (Темиргой) и болоткайцы (темиргоевцы), Бжедуг и бжедуги, Махош и махоши, Бесленей и бесленейцы, Кабарда и кабардинцы и др. Мобилизационный ресурс феодальных владений Черкесии Э. Челеби оценивает в 64 тыс. воинов. Жанеевцы имеют 13 тысяч отборных воинов, хатукайцы – 8 тысяч, бжедуги – 3 тысячи, болоткайцы (темиргойцы) – 10 тысяч, бесленейцы – 5 тысяч, хегаки – 3 тысячи конных и пеших воинов. У князей Кабарды – 10 тысяч, у владетелей Талостанея (удела, впоследствии известного как Малая Кабарда) – 12 тысяч вооруженных ружьями воинов [Челеби 1979: 56, 62]. С учетом неупомянутых Э. Челеби адамиевцев и «темрюкских черкесов», известных в более поздних источниках как адале и хетук, Б.Х. Бгажноков полагает, что общая численность воинов всех черкесских политий в XVII в. составляла около 76 тысяч [Бгажноков 2004: 51].

Среди современных исследователей существуют различные оценки демографии, воинского потенциала Черкесии, удельного веса представителей дворянства и податных сословий в структуре воинского класса.

Т.Х. Алоев, основываясь на данных архивных источников первой половины XVII в., общую численность войск всех кабардинских удельных княжеств оценивает в 10 тыс. человек [Алоев 2008: 189]. Он считает, что эти силы представляли собой профессиональную панцирную уоркскую конницу, готовую к войне как на своей территории, так и за ее пределами. Общий демографический ресурс всех кабардинских княжеств определяется им в 200 тыс. человек, а мобилизационный военный ресурс – в 40 тыс. человек (10 тыс. дворянской конницы и 30 тыс. крестьянского ополчения) [Алоев 2008: 191, 199].

Численность воинского класса всей Кабарды в XVII в., по расчетам З.А. Кожева, составляла 7,5 тыс. чел. [Кожев 2019: 118, 122, 123]. Численность военно-служилого сословия, состоящего из уорков и его долю в воинском классе и населении Кабарды З.А. Кожев определяет на основе подсчета количества селений (кабаков) в каждом уделе и среднего количества уорков, выставляемых из одного «кабака», – 20 конных панцирников [Кожев 2019: 118, 122, 123]. Так, самый крупный кабардинский удел Казыева Кабарда состоял из 50 селений с мобилизационным ресурсом «узденей добрых с тысячу с лишком, конных, да черных людей с две тысячи с лишком» [КРО 1957а: 385]. Мобилизационный ресурс, как и количество селений Джиляхстанея, в росписи «кабардинских князей и мурз» не обозначены, но если данные за 1744 г. экстраполировать на этот период (2 княжеских и 13 уоркских селений), то он составлял 300 уорков [КРО 1957б: 115]. Талостаней в это время мог выставить 700 человек уоркской конницы [КРО 1957а: 385–386]. Мобилизационный ресурс Идаровой Кабарды в XVII в. не превышал 500 уорков из 22 сел [Кожев 2019: 118, 122, 123]. Если взять за основу соотношение дворянского войска и крестьянского ополчения, указанное в источниках относительно Казыевой Кабарды, как 1 к 2 («узденей добрых с тысячу с лишком, конных, да черных людей с две тысячи с лишком»), то для всей Кабарды в XVII в. численность воинского класса должна была составлять 7,5 тыс. человек, слагаемых из 2500 уорков-панцирников и 5000 крестьянского конного ополчения, вооруженного ружьями. То есть дворяне составляли 30 % воинского класса. Если оценивать численность кабардинцев в XVII в. в 180–200 тыс. человек и считать, что от одной дворянской семьи в 5 человек выставлялся один воин (это минимальный показатель), то дворяне составляли около 7 % населения. Надо отметить, что это достаточно высокий показатель по сравнению с Европой.

Данная оценка З.А. Кожевым количества панцирной дворянской конницы для XVII в. нам представляется вполне достоверной, учитывая дороговизну защитного доспеха. Кольчуги, входившие в «дворянский подарок», стоили от одной до нескольких семей крепостных крестьян. Хан-Гирей, например, упоминает кольчугу, за которую было уплачено 30 душ крепостных обою пола [Хан-Гирей 1992: 231]. Однако, по нашему мнению, в XVII в. крестьянское ополчение представляло собой исключительно пехоту, вооруженную ружьями, но не конницу. Существовавшие тогда фитильные ружья, которыми было вооружено крестьянское ополчение, не были адаптированы к использованию в кавалерии. Массовое использование конного

бездоспешного крестьянского ополчения имело место не ранее XVIII в., с появлением нового комплекса вооружения – нарезного облегченного ружья с кремниевым замком и шашки.

Численность военно-служилого сословия Кабарды на конец XVIII в. З.А. Кожев определяет в 4200 совершеннолетних мужчин-уорков (2800 в Большой Кабарде и 1400 в Малой Кабарде). Общая численность сословия уорков в Кабарде к концу XVIII в. с учетом женщин и несовершеннолетних детей, по мнению З.А. Кожева, не могла превышать 14–15 тыс. человек [Кожев 2020: 21–22]. При оценке им численности населения Большой и Малой Кабарды к концу XVIII в. в 110–135 тыс. человек, уорки должны были составлять 11 %. Эти расчеты произведены им на основе списков выборщиков из числа князей и дворян, имевших право выбирать и быть избранными в Родовые суды и расправы и Верхний пограничный суд в Моздоке, содержащихся в рапорте генерал-майора Ю.Б. Бибикова от 14 сентября 1793 г. [Сборник документов... 2003: 7–24]. По нашему мнению, эти данные учитывают только фамилии знатных дворян – владельцев деревень, сельских кварталов из дворянских сословий тлекотлеш, дыженуго и беслен-уорк. Между тем, самым многочисленным дворянским сословием были уорки-шаотлегуса, а они, по всей видимости, в этих списках не зафиксированы.

Самые достоверные данные о демографии и удельном весе всех категорий дворянского сословия в социальной структуре содержатся в переписи населения Большой и Малой Кабарды первой четверти XIX в. По данным этой переписи, численность населения всей Кабарды в 1825 г. составляла 25 тыс. человек. Резкое сокращение численности населения Кабарды по сравнению с XVIII в. произошло из-за катастрофических демографических потерь в результате череды войн, а также занесенных в Кабарду эпидемий чумы и холеры. Из этих 25 тыс. человек – 2470 чел. мужского пола из числа узденей третьей степени (беслен-уорки и уорк-шаотлегуса), 368 – узденей первой степени (тлекотлеш и дыженуго), 74 – князей [Сборник документов... 2003: 71–144]. Общая численность всего дворянского сословия составляла 5826 чел. (мужчин и женщин), или 23 % населения. Если это соотношение экстраполировать на XVIII в., то при предполагаемой численности кабардинцев в XVIII в. в 200000 чел., 23 % населения из дворянских сословий должно было составить 46 тыс. чел. При минимальном количестве дворянской семьи, выставлявшей одного воина, в 5 человек, численность дворянского войска в Кабарде в XVIII в. составляла 9200 чел. Эти цифры подтверждаются данными русских источников. В частности, в документе 1775 г. из Коллегии иностранных дел сообщается: «Большая Кабарда в состоянии была выставить коннаго войска в поле до 6000 человек, состоящего из одних беков и узденей, а Меньшая до 3000» ... [КРО 1957b: 318]. При этом надо заметить, что в XVIII в. дворянское войско включало в себя уже не только одних панцирников. Число таковых могло достигать 3 тыс. человек. Данная ситуация, как уже отмечалось, была связана с появлением нарезных кремниевых ружей и обесцениванием защитных функций кольчуг. Панцири продолжали использовать в это время, но их уже не производили.

Для XVIII в. вопрос о военном потенциале Кабарды имеет значение для определения общего воинского потенциала Черкесии. В это время тремя наиболее крупными по численности черкесскими субэтносами были кабардинцы, шапсуги и абадзехи. Остальные значительно уступали им по численности и соответственно по воинскому ресурсу. Источников этого времени о численности шапсугов и абадзехов нет, они появляются позже – в XIX в. Если брать за основу тезис о приблизительном равенстве демографического потенциала кабардинцев, шапсугов и абадзехов, то данные о воинском потенциале кабардинцев XVIII в. можно экстраполировать на эти два субэтноса Северо-Западного Кавказа.

Источники о демографическом и военном потенциале кабардинцев сообщают сильно различающиеся цифры. Соответственно различается и мнение исследователей на этот счет. Численность населения Кабарды в первой половине XVIII в. определялась В.К. Гардановым в 130–160 тыс. [История... 1967: 133], Е.Д. Налоевой – в 250–300 тыс. [Налоева 2015: 228]. Население Кабарды к концу XVIII в. оценивалось В.К. Гардановым – 180–200 тыс. [История... 1967: 133], Т.Х. Кумыковым – 300–350 тыс. [Кумыков 1965: 57], З.А. Кожевым – 110–135 тыс. [Кожев 1998: 119]. При оценке военного людского потенциала Кабарды исследователи берут за основу или непосредственные сведения источников о количестве военных сил, или же высчитывают его исходя из общего демографического потенциала. Считается, что во время войны в среднем может быть мобилизовано 10 % населения страны. К примеру, если население составляет 200 тыс. человек, то к военной мобилизации могут быть привлечены 20 тыс. человек.

Также расходятся данные русских источников XVIII в. относительно военного потенциала Кабарды. В донесении азовского губернатора Ф.М. Апраксина (1711 г.) сообщается, что в ходе переговоров представитель кабардинской делегации Али-мурза Алеев военный потенциал Кабарды оценивал так: «Князей-де их и мурз, и узденей, и черкес, которые всегда готовы к войне, конницы, оружейных, кроме черных работных людей, тысяч с пятнадцать, а в нужный случай с работными людьми их соберется тысяч с тридцать или больше; и те-де работные их люди к войне заобычны ж и всегда будут в готовности» [Кудашев 1913: 42]. Если брать 10 % населения как средний мобилизационный ресурс, то 30 тыс. воинов для Кабарды должно соответствовать демографическому потенциалу в 300 тыс. человек. Удельный же вес дворянского сословия, если брать за минимальный состав одной дворянской семьи 5 человек, составит для XVIII в. 25 % населения страны.

Согласно документу 1718 г. («Распросные речи в посольском приказе кабардинского посла Султан-Али Абашева») «черкесских кабардинских войск выходит в поле до 10 тысяч» [КРО 1957b: 19]. В «Протоколе расспроса кабардинского посла Магомета Атажукина в Коллегии иностранных дел о Большой и Малой Кабарде» 1732 г. записано: «В Большой Кабарде военных людей собирается 10 тысяч человек, половина конных, другая пехоты... А в Малой Кабарде конного войска с 700 человек конных, а сколько пехоты, того он, Магомет-бек не знает» [КРО 1957b: 60].

В «Записке о кабардинцах из материалов Коллегии иностранных дел...» отмечено, что в 1739 г. «Большая Кабарда в состоянии была выставить конного войска в поле до 6000 человек, состоящего из одних беков и узденей, а Маленькая до 3000» ... [КРО 1957b: 318]. В случае необходимости этот ресурс мог быть увеличен за счет воинов из крестьянских сословий, формировавших легкую кавалерию. В таком случае кабардинское войско могло вырасти в численности до 15 тысяч воинов [КРО 1957b: 316].

Документ от 1748 г. сообщает: «в Большой Кабарде на Баксане военных людей собраться может слишком 6 тысяч человек. А в Малой Кабарде у Татартюпа военных людей собраться может с небольшим три тысячи человек» [КРО 1957b: 158].

Для определения общей численности и состава воинского класса Кабарды в первой половине XVIII в. важное значение имеют данные о количестве чагаров, которые приводит Е.Д. Налоева. Это самое многочисленное крестьянское сословие, зажиточные представители которого, наряду с уорками, формировали военные возможности кабардинских князей. По расчетам Е.Д. Налоевой, общее число чагаров составляло 144 тыс. человек – абсолютное большинство населения Кабарды – около 60 % [Налоева 2015: 256].

В документе 1747 г. сообщается, что в отдельных чагарских дворах «бывают мужеска и женеска полу душ по 30–40 и 50» [АВПР. Ф. Кабардинские дела. Д. 6. Л. 43]. Проживание большого количества людей в чагарских дворах Е.Д. Налоева объясняет тем, что состоятельные чагары имели своих холопов, которые жили с семьями в одном с ними дворе. Кроме того, в одном дворе могли жить большие патриархальные семьи, состоящие из двух, трех и более колен [Налоева 2015: 226–227]. Если взять в среднем 20 человек в одном чагарском дворе, то 144 тыс. человек дают 7200 дворов. По нормам обычного права с каждого чагарского двора для военной службы минимально выделялся один всадник. Исходя из этих данных, мы пришли к выводу, что минимальное количество крестьянского ополчения составляло 7200 всадников.

Состав княжеско-дворянской семьи, как полагал В.К. Гарданов, и с ним солидарна в этом Е.Д. Налоева, не превышал 10–12 человек мужского и женского пола [Налоева 2015: 227]. В Кабарде было всего 7 княжеских фамилий и, как свидетельствуют источники, общее количество всех взрослых князей обычно не превышало 50–60 человек. Также были немногочисленны сословия личных княжеских телохранителей пшичеу и бейголей, которых было положено иметь удельным князьям. То есть количество воинов, выставяемых князьями, пшичеу и бейголями, было несущественным в масштабах всей Кабарды.

Основу феодального войска в Кабарде составляли дворяне. Данные о количестве дворянских семей в Кабарде XVIII в. могли бы помочь в определении численности ее воинского класса. Но такие данные отсутствуют. Вышеуказанный документ из материалов Коллегии иностранных дел 1739 г. сообщает только, что «Большая Кабарда в состоянии была выставить конного войска в поле до 6000 человек, состоящего из одних беков и узденей, а Маленькая до 3000»... [Кудашев 1913: 318]. Если в XVII в. один кабардинский

«кабак» выставлял в среднем 20 воинов, то в XVIII в. для того, чтобы мобилизовать 9000 уорков, каждый из 140 населенных пунктов Большой и Малой Кабарды должен был выставить около 60 воинов. Эти расчеты говорят о том, что численность дворянства по сравнению с XVII в. должна была вырасти в три раза.

Источники XVIII в. не содержат сведений о мобилизационных возможностях и демографическом потенциале демократических политий Северо-Западного Кавказа.

Общий мобилизационный ресурс как демократических, так и аристократических обществ Черкесии в первой половине XIX в. российские военные историки оценивали по-разному. В частности, В.А. Потто [Потто 1994: 349], И. Бларамберг [Бларамберг 1992: 110] говорят о 50.000–60.000 отборных, хорошо вооруженных конных воинах.

Во время Кавказской войны в первой половине XIX в. Генеральным штабом российской армии проводился сбор разведывательных данных о демографическом и военном ресурсе черкесов. Но эта информация, собранная с помощью шпионов на неподконтрольной российским властям территории, всегда носила приблизительный, неточный характер. На наш взгляд, доверия заслуживают сведения полковника Т. Лапинского, находившегося на Северо-Западном Кавказе с 1859 по 1861 гг. Расчеты Т. Лапинского касаются шапсугов, абадзехов, натухайцев и убыхов, составлявших основную массу населения Северо-Западного Кавказа. Их общая численность, по его данным, достигала около 800.000–900.000 человек, а общий мобилизационный потенциал – от 80.000 до 150.000 воинов, из которых на пехоту приходилось от 50000 до 100000 человек, а на конницу – от 30000 до 50000 всадников [Лапинский 1995: 79–80, 142–143; АКАК 1904: 849]. С этими цифрами согласуются показания, полученные российским правительством от Магомет-Амина, – наиба Шамиля на Северо-Западном Кавказе, прекратившего борьбу после пленения Шамиля и находившегося на российском денежном содержании с конца 1859 г. По его сведениям, численность только абадзехов, шапсугов и убыхов, без учета натухайцев, закубанских кабардинцев, бесленеевцев, темиргоевцев, махошевцев, егерукаевцев, бжедугов, хатукаевцев, составляла не менее 720 тыс. человек [Трагические последствия 2000: 115].

Численность не учтенных Магомет-Амином черкесских субэтносов, чья территория к 50–60-м гг. XIX в. находилась уже под контролем российской администрации, составляла 130 тыс. человек. Сюда входили закубанские кабардинцы – 7400, бесленеевцы – 5000, махошевцы – 4000, темиргоевцы, егерукаевцы, мамхеговцы – 15000, гатюкаевцы – 3000, бжедуги – 4000, натухайцы – 60000, население Кабарды – 30000 человек [Анучин 2001: 279–280; Кабузан 1996: 145, 147]. Таким образом, численность всего черкесского населения Центрального и Северо-Западного Кавказа в середине XIX в. составляла около 900 тыс. чел.

Эта цифра, выводимая для конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. может быть отнесена и к середине – концу XVIII в. Катастрофические последствия Кавказской войны, сопровождавшейся не только гибелью населения, но и

подрывом всей системы жизнеобеспечения, различных отраслей народного хозяйства, снижением рождаемости, привели к тому, что за сто лет, с середины XVIII по середину XIX вв., общее население Черкесии не увеличилось, а сохранилось на прежнем уровне. Численность же отдельных субэтносов резко сократилась, например, кабардинцев в 10 раз.

Способы мобилизации и формирования войска

Способы мобилизации, уровень военной организации черкесских политий зависели от социальной структуры народонаселения и политической системы. Военная дисциплина, организованность, управляемость войск, собранных в феодальных владениях, были на порядок выше, чем в войсках демократических черкесов. Это обуславливалось не только системой вассалитета, феодальной психологией дворянства, считавшего выполнение вассального военного долга и уважение сословной иерархии делом чести. Большую роль играл фактор политической интеграции черкесской феодальной элиты в военно-государственную систему Хазарии, Золотой Орды, а позднее Османской империи, Крыма, русского государства и других стран через институты выезда на службу и военного отходничества. Служба отдельных лиц и целых подразделений из феодальных владений Черкесии в армиях иностранных держав, участие в войнах за пределами этнической территории обогащали военный опыт черкесских князей и их дружин, знакомили с военным искусством, стратегическими и тактическими приемами армий соседних государств и народов, способствовали выработке профессионализма в среде черкесской военной аристократии. В отличие от Кабарды, Бесленея, Темиргоя, Бжедугии, военная активность горных черкесов – шапсугов, абадзехов, натухайцев, убыхов – имела место в основном в границах их этнических территорий, реже в пределах Северного Кавказа. Высокие воинские качества черкесских князей и дворян совершенствовались в рамках института наездничества, в то время как в среде тфокотлей демократических политий Черкесии занятие наездничеством не являлось широко распространенным явлением [Марзей 2004: 50-51, 273-275].

Военная организация аристократических политий была построена в соответствии с иерархической системой феодального вассалитета и патроната. В черкесских княжествах действовал достаточно эффективный феодальный способ мобилизации. Рассмотрим его на примере Кабарды. В военное время верховный князь Большой Кабарды (пщышхуэ, уалиипщ) автоматически становился главнокомандующим войском – дзэпщ. По его призыву все удельные князья и их вассалы – тлехотлеши и дыженуго обязаны были явиться со своими дружинами в указанное место и время. За невыполнение военного долга, неявку в срок на сборный пункт уалиипщ имел право наложить «штраф с каждого узденя по ясырю, а с протчего народа по два быка» [Налоева 2015: 292]. Военные сборы производились в очень сжатые сроки. Кабардинский князь Магомед Атажукин в беседе с вице-канцлером России Остерманом в 1732 г. сообщал, что «когда от них повестка военным людям учинится, то в одне сутки

все, со всякою готовостию, собраться могут» [КРО 1957b: 55]. В черкесских демократических обществах доминировал территориально-клановый принцип формирования войска. Небольшие отряды от патронимических поселений объединялись в более крупные отряды от ущелий и долин. В 40-х гг. XIX в., в связи с преобразованиями административной системы под влиянием набобов Шамиля, стали формировать регулярные военно-полицейские отряды «муртазаков» по примеру военной системы имамата. Делались попытки введения призывной системы: каждые 100 дворов должны были выставлять по 5 вооруженных всадников. Однако отсутствие сильной центральной власти, строгой военно-феодальной иерархии, присущей военно-политической организации черкесских княжеств, делали военную организацию черкесских демократических обществ менее эффективными по сравнению с таковой у аристократических. Т. Лапинский, говоря о недостатках военной организации демократических политий Северо-Западного Кавказа, чей общий военный потенциал оценивался им в 150 000 воинов, уточнял: «150000 вооруженных – еще не 150000 солдат, которых можно по желанию перемещать и направлять. Надо принять во внимание, что не все могут идти на войну, потому что в таком случае их семьи и они сами должны были бы умереть с голоду, что концентрация больших масс в настоящее время невозможна, т.к. народ не имеет ни военной организации, ни продовольственных магазинов, ни начальника, ни запаса пороха, и даже если бы эти трудности были устранены, то незнание правил ведения войны, недостаток в артиллерии ... делает для адыгов невозможным наступательное движение вперед против русских и сопротивление в открытом сражении» [Лапинский 1995: 143].

В княжеских владениях полководцы, на время военной кампании, наделялись особыми полномочиями – за невыполнение приказов они имели право предать смерти любого ослушника, невзирая на звание [Броневский 1823: 121]. У шапсугов и абадзехов за нарушение дисциплины военный предводитель мог только конфисковать оружие и изгнать из войска [Лапинский 1995: 166].

В силу вышеперечисленных факторов уровень военной дисциплины, военного искусства, профессионализма, военной организации аристократических субэтнотосов был гораздо выше, чем у демократических. При меньшем демографическом и мобилизационном потенциале феодальных владений, в структуре их военных сил удельный вес профессионального воинского класса – уорков был выше. Освобожденные от производственных функций, уорки были организованной военной силой, спаянной дисциплиной, корпоративным духом, понятиями вассальной верности и дворянской чести. Политическая и военная элита черкесских княжеств в отличие от демократических обществ могла оперировать контингентами, формируемыми уорками, планировать их использование не только в оборонительных сражениях на своей территории, но и в регионе всего Северного Кавказа, а также за его пределами.

Заключение

Структура, социальный состав и количество воинского класса Черкесии менялись в ходе исторического развития. Его эволюция в период феодализма прослеживается по письменным источникам конца XV – 60-х гг. XIX столетия.

В XV–XVI вв. основу вооруженных сил всех политий Черкесии составляло немногочисленное, профессиональное конное дворянское войско. Владение комплектом дорогостоящего оборонительного и наступательного оружия было привилегией аристократии и маркером рыцарской культуры. Крестьяне привлекались к военным действиям исключительно в случае серьезной внешней угрозы.

В XVII в. распространение на Северном Кавказе огнестрельного оружия привело к увеличению численности воинского класса за счет крестьянских сословий, вооруженных ружьями и формировавших исключительно пехоту. Конструкции фитильного ружья и черкесской сабли не позволяли эффективно адаптировать огнестрельное оружие в элитной черкесской кавалерии, и она по-прежнему оставалась немногочисленной дворянской панцирной конницей.

В XVIII в. происходит распространение ружей с нарезным стволом и кремниевым замком. Конструкция кремниевого замка и самого ружья, система ношения его в бурочном чехле позволили адаптировать его к использованию в кавалерии. На смену комплексу вооружения, использовавшемуся сугубо в аристократической среде (кольчуга, шлем, налокотники, длинная черкесская сабля, лук со стрелами, кинжал), приходит новый комплекс, сформировавшийся в крестьянской среде (ружье, шашка, кинжал).

Распространение в крестьянской среде нарезных ружей способствовало упадку военного могущества феодальных династий на Северо-Западном Кавказе, основанного на исключительном праве владения дорогостоящим комплексом рыцарского вооружения, что привело к демократическому перевороту у шапсугов, абадзехов и натухайцев. В демократических обществах основной контингент вооруженных сил формировало многочисленное здесь сословие свободных общинников-тфокотлей.

В аристократических политиях Черкесии основой вооруженных сил являлось профессиональное дворянское войско во главе с князьями. Смена комплекса вооружения привела к увеличению удельного веса дворянства в структуре воинского класса. Дешевизна и широкое распространение нарезных ружей обесценили кольчуги как защитное вооружение. Дорогостоящая кольчуга перестала быть обязательным элементом «уэркъ тын», и у князей появилось больше материальных возможностей принимать на службу и обращать в дворянское сословие представителей крестьянства и переселенцев из других обществ. К примеру, в XVIII в. общая доля уорков в социальной структуре Кабарды увеличилась с 10 до 20 % населения.

В XVII в. реальный воинский ресурс Черкесии, при опоре на данные Э. Челеби и при отсутствии других источников, может быть оценен в 70–75 тыс. человек.

В XVIII и XIX вв., если брать за основу сведения Т. Лапинского и Магомет-Амина, реальный воинский ресурс Закубанской Черкесии и Кабарды составлял около 90 тыс. человек, потенциальный ресурс (все взрослое вооруженное мужское население) – 300 тыс. человек.

Общий демографический потенциал Закубанской Черкесии и Кабарды в середине XIX в. оценивается нами в 900 тыс. чел. Данные за XIX в. можно экстраполировать на XVIII в., так как в течение столетия, со второй половины XVIII в. – до второй пол. XIX в., вследствие демографических потерь, связанных с Кавказской войной, отсутствовал прирост населения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АКАК 1904 – *Акты Кавказской археографической комиссии*: в 12 томах. Т. 12. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1904. – 1558 с.

Алоев 2008 – *Алоев Т.Х.* Факторы резистентности Большой Кабарды военному натиску Крымского ханства (вторая четверть XVII – первая треть XVIII в.) // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII в. Исследования и материалы. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – С. 186–219.

Анучин 2001 – *Анучин Д.Г.* Очерк горских народов Правого крыла Кавказской линии // Русские авторы о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик: Издательский центр «ЭЛЬ-ФА», 2001. – Т. 2. – С. 245–298.

Аствацатурян 1995 – *Аствацатурян Э.* Оружие народов Кавказа. История оружия. – Москва-Нальчик: Хобикнига, Эль-Фа, 1995. – 191 с.

Бгажноков 2004 – *Бгажноков Б.Х.* Воинский класс и демографическое пространство Черкесии в XVII – середине XIX в. // Вестник КБИГИ. – 2004. – № 11. – С. 45–82.

Бларамберг 1992 – *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1992. – 240 с.

Броневский 1823 – *Броневский С.* Кавказцы (Репринтная печать: Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М.: В типографии С. Селивановского, 1823). – Майкоп: ИПКПО «Адыгея». – 465 с.

Гарданов 1956 – *Гарданов В.К.* К вопросу об экономическом развитии Кабарды в XVIII в. // Ученые записки КБНИИ. – 1956. – Т. XXIII. – С. 78–111.

Гарданов 1967 – *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – перв. пол. XIX в.). – М: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1967. – 332 с.

Дубровин 1991 – *Дубровин Н.* Черкесы (адыге) // Материалы для истории черкесского народа. – Вып. 1. – Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1991. – С. 13–249.

Думанов 1990 – *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Первая половина XIX в. – Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1990. – 262 с.

Интериано 1974 – *Интериано Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. переводов, введ. и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 43–52.

История... 1967 – *История Кабардино-Балкарской АССР в двух томах.* – М.: Издательство «Наука», 1967. – Т. I. – 482 с.

КРО 1957а – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в двух томах.* Т. 1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 478 с.

КРО 1957б – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в двух томах.* Т. 2. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – 424 с.

Кабузан 1996 – *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. Этностатистическое исследование. Российская академия наук. Институт российской истории. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. – 223 с.

Кожев 1998 – *Кожев З.А.* Динамика численности населения Кабарды (XVIII – первая четверть XIX в.) // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 2. – С. 116–126.

Кожев 2019 – *Кожев З.А.* Битва на Малке (1641 г.): классический пример феодальной войны // Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVI вв. – Нальчик: Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский», 2019. – С. 115–130.

Кожев 2020 – *Кожев З.А.* Численность военно-служилого сословия Кабарды в эпоху зрелости традиционного общества (XVI–XVIII вв.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 4. – С. 12–26. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-12-26>

Кудашев 1913 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев: Типография С.В. Шульженко, 1913. – 283 с.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Каб.- Балк. кн. изд-во, 1965. – 420 с.

Кушева 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 371 с.

Кушхабиев, Наков 2017 – *Кушхабиев А.В., Наков Ф.Р.* К проблеме перехода черкесских феодальных сословий на комплекс вооружения, сформировавшегося в крестьянской среде (конец XVII–XIX вв.) // Вестник Адыгейского Государственного Университета. – 2017. – № 4 (209). – С. 111–118.

Лапинский 1995 – *Лапинский Т.* (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1995. – 463 с.

Марзей 2004 – *Марзей (Мирзоев) А.С.* Черкесское наездничество «Зеклуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. – Нальчик: Издательский центр ЭЛЬ-ФА, 2004. – 302 с.

Мирзоев 2013 – *Мирзоев А.С.* Некоторые особенности черкесской (адыгской) цивилизации и традиционной этнической культуры // История науки и техники. – 2013. – № 7. – С. 69–76.

Налоева 2015 – *Налоева Е.Д.* Кабарда в первой половине XVIII в. // Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – С. 213–353.

Потто 1994 – *Потто В.А.* Кавказская война: в 5 томах. Т. 5. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. – 398 с.

Правовые нормы... 1997 – *Правовые нормы* адыгов и балкаро-карачаевцев в XV–XIX веках. – Майкоп: Издательство «Меоты», 1997. – 296 с.

Рахаев 2009 – *Рахаев Дж.Я.* Кабарда в системе международных отношений в начале XVIII в. // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа. Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. – Нальчик: Издательство Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. – С. 123–182.

Сборник документов... 2003 – *Сборник документов* по сословному праву народов Северного Кавказа (1793–1897 гг.). – Нальчик: Эль-фа, 2003. – Т. 2. – 488 с.

Скасси 1974 – *Скасси Р.* Извлечение из записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 г. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. переводов, введ. и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 281–285.

Трагические последствия... 2000 – *Трагические последствия* Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX – начало XX вв.): сборник документов и мат-лов / сост. Р. Х. Гугов, Х. И. Касумов, Д. В. Шабаетов. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 464 с.

Хан-Гирей 1992 – *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. – Нальчик: «Эльбрус», 1992. – 346 с.

Челеби 1979 – *Челеби Э.* Книга путешествия / Под ред. А.П. Григорьева, А.Д. Прим. и комм. А.П. Григорьева и А.Д. Желтякова. – Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Донья. – М.: Наука, 1979. – 287 с.

АВПП – Архив внешней политики России.

REFERENCES

Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii: v 12 tomakh. T. 12 [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission: in 12 vols. Vol. 12]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. – 1558 p. (In Russian)

ALOEV T.Kh. *Faktery rezistentnosti Bol'shoi Kabardy voennomu natisku Krymskogo khanstva (vtoraya chetvert' XVII – pervaya tret' XVIII v.)* [Factors of resistance of Big Kabarda to the military onslaught of the Crimean Khanate (second quarter of the 17th – first third of the 18th century)]. IN: *Kanzhal'skaya bitva i politicheskaya istoriya Kabardy pervoi poloviny XVIII v. Issledovaniya i materialy* [Battle of Kanzhal and the political history of Kabarda in the first half of the 18th century. Research and materials]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2008. – P. 186–219. (In Russian)

ANUCHIN D.G. *Ocherk gorskikh narodov Pravogo kryla Kavkazskoi linii* [Essay of the mountain peoples of the right wing of the Caucasian line]. IN: *Russkie avtory o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Russian authors about the peoples of the Central and Northwestern Caucasus]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «EL"-FA», 2001. – T. 2. – P. 245–298. (In Russian)

ASTVATSATURYAN E. *Oruzhie narodov Kavkaza. Istoriya oruzhiya* [Weapons of the peoples of the Caucasus. The history of weapons]. – Moscow-Nalchik: Khobikniga, El'-Fa, 1995. – 191 p. (In Russian)

BGAZHNOKOV B.Kh. *Voinskii klass i demograficheskoe prostranstvo Cherkessii v XVII – seredine XIX v.* [The military class and the demographic space of Circassia in the 17th – mid 19th centuries]. IN: *Vestnik KBIGI*. – 2004. – No. 11. – P. 45–82. (In Russian)

BLARAMBERG I. *Kavkazskaya rukopis'* [Caucasian manuscript]. – Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izd-vo, 1992. – 240 p. (In Russian)

BRONEVSKY S. *Kavkaztsy* [Caucasians]. – Maikop: IPKPO «Adygeya». – 465 p. (In Russian)

CHELEBI E. *Kniga puteshestviya. – Iss. 2: Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Don'ya* [Travel book. – Issue. 2: Lands of the North Caucasus, the Volga and Don regions]. – М.: Наука, 1979. – 287 p. (In Russian)

DUBROVIN N. *Cherkesy (adyge)* [Circassians (Adyge)]. IN: *Materialy dlya istorii cherkesskogo naroda* [Materials for the history of the Circassian people]. – Nalchik: Poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 1991. – Iss. 1. – P. 13–249. (In Russian)

DUMANOV Kh.M. *Sotsial'naya struktura kabardintsev v normakh adata. Pervaya polovina XIX v.* [The social structure of the Kabardians in the adat norms. First half of the 19th century]. – Nalchik: Izdatel'stvo «El'brus», 1990. – 262 p. (In Russian)

GARDANOV V.K. *K voprosu ob ekonomicheskom razvitii Kabardy v XVIII v.* [On the question of the economic development of Kabarda in the 18th century]. IN: *Uchenye zapiski KBNI*. – 1956. – T. XXIII. – P. 78–111. (In Russian)

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyi stroi adygsikh narodov (XVIII – perv. pol. XIX v.)* [The social system of the Adyge peoples (XVIII – first half of the XIX century)]. – М.: Izdatel'stvo «Nauka». Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1967. – 332 p. (In Russian)

INTERIANO G. *Byt i strana zikhov, imenuemykh cherkessami. Dostoprimechatel'noe povestvovanie* [Life and country of zikhs called Circassians. Interesting storytelling]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaytsy v izvestnykh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Sost., red. perevodov,*

vved. i vstup. st. k tekstam V.K. Gardanova [Adygs, Balkars and Karachais in the reports of European authors of the XIII–XIX centuries. Ed. by V.K. Gardanov]. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 43–52. (In Russian)

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR v dvukh tomakh [History of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic in two volumes]. – M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1967. – Vol. I. – 482 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.: Dokumenty i materialy v dvukh tomakh. T. 1 [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries.: Documents and materials in two volumes. Vol. 1]. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. – 478 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.: Dokumenty i materialy v dvukh tomakh. T. 2 [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries.: Documents and materials in two volumes. Vol. 2]. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. – 424 p. (In Russian)

KABUZAN V.M. *Naselenie Cevernogo Kavkaza v XIX–XX vv. Etnostatisticheskoe issledovanie. Rossiiskaya akademiya nauk. Institut rossiiskoi istorii* [Population of the North Caucasus in the XIX – XX centuries. Ethno-statistical research]. – SPb.: Izdatel'stvo «Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr BLITs», 1996. – 223 p. (In Russian)

KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkessii* [Notes about Circassia]. – Nalchik: «El'brus», 1992. – 346 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Bitva na Malke (1641 g.): klassicheskii primer feodal'noi voiny* [Battle of Malka (1641): a classic example of feudal warfare]. IN: *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVI vv.* [Essays on the military and political history of Circassia in the 15th – 16th centuries.]. – Nalchik: Institut gumanitarnykh issledovaniy – filial Federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo nauchnogo uchrezhdeniya «Federal'nyi nauchnyi tsentr «Kabardino-Balkarskii», 2019. – P. 115–130. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Chislennost' voenno-sluzhilogo sosloviya Kabardy v epokhu zrelosti traditsionnogo obshchestva (XVI–XVIII vv.)* [The number of the military-service class of Kabarda in the era of maturity of traditional society (XVI–XVIII centuries)]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2020. – No. 4. – P. 12–26. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-12-26> (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Dinamika chislennosti naseleniya Kabardy (XVIII – pervaya chetvert' XIX v.)* [Dynamics of the population of Kabarda (XVIII – first quarter of the XIX century)]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie*. – 1998. – No. 2. – P. 116–126. (In Russian)

KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people]. – Kiev: Tipografiya S.V. Shul'zhenko, 1913. – 283 p. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. – Nalchik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1965. – 420 p. (In Russian)

KUSHEVA E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei. Vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka* [The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia. Second half of the 16th – 30s of the 17th century]. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963. – 371 p. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V., NAKOV F.R. *K probleme perekhoda cherkesskikh feodal'nykh soslovii na kompleks vooruzheniya, sformirovavshegosya v krest'yanskoi srede (konets XVII–XIX vv.)* [On the problem of the transition of the Circassian feudal estates to a complex of weapons formed in the peasant environment (late 17th – 19th centuries)]. IN: *Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. – 2017. – No. 4 (209). – P. 111–118. (In Russian)

LAPINSKY T. (Teffik-bei). *Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh* [Highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians]. – Nalchik: Izd. tsentr «El'-Fa», 1995. – 463 p. (In Russian)

MARZEI A.S. *Cherkesskoe naezdnichestvo «ZekIue». Iz istorii voennogo byta cherkesov v XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Circassian equestrianism "ZekIue". From the history of the

military life of the Circassians in the 18th – first half of the 19th century]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr EL"-FA, 2004. – 302 p. (In Russian)

MIRZOEV A.S. *Nekotorye osobennosti cherkesskoi (adygskoi) tsivilizatsii i traditsionnoi etnicheskoi kul'tury* [Some features of the Circassian (Adyghe) civilization and traditional ethnic culture]. IN: *Istoriya nauki i tekhniki*. – 2013. – № 7. – P. 69–76. (In Russian)

NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII v.* [Kabarda in the first half of the 18th century]. IN: NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-politicheskoi istorii* [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and problems of socio-political history]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – P. 213–353. (In Russian)

POTTO V.A. *Kavkazskaya voina: v 5 tomakh. T. 5* [Caucasian war: in 2 vols. Vol. 5]. – Stavropol': Kavkazskii krai, 1994. – 398 p. (In Russian)

Pravovye normy adygov i balkaro-karachaevtsev v XV–XIX vekakh [Legal norms of the Circassians and Balkar-Karachais in the 15th – 19th centuries]. – Maikop: Izdatel'stvo «Meoty», 1997. – 296 p. (In Russian)

RAKHAEV Dzh.Ya. *Kabarda v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii v nachale XVIII v.* [Kabarda in the system of international relations at the beginning of the 18th century]. IN: *Aktual'nye problemy istorii i etnografii narodov Kavkaza. Sbornik statei k 60-letiyu V.Kh. Kazharova* [Actual problems of history and ethnography of the peoples of the Caucasus. Collection of articles dedicated to the 60th anniversary of V.Kh. Kazharov]. – Nalchik: Izdatel'stvo Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN, 2009. – P. 123–182. (In Russian)

Sbornik dokumentov po soslovnomu pravu narodov Severnogo Kavkaza (1793–1897 gg.) [Collection of documents on the estate law of the peoples of the North Caucasus (1793–1897)]. – Nalchik: EL'-fa, 2003. – T. 2. – 488 p. (In Russian)

SKASSI R. *Izvlechenie iz zapiski o delakh Cherkesii, predstavlennoi gospodinom Skassi v 1816 g.* [Extract from a note on the affairs of Circassia presented by Mr. Scassi in 1816]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Sost., red. perevodov, vved. i vstup. st. k tekstam V.K. Gardanova* [Adygs, Balkars and Karachais in the reports of European authors of the XIII–XIX centuries. Ed. by V.K. Gardanov]. – Nalchik: EL'brus, 1974. – P. 281–285. (In Russian)

Tragicheskie posledstviya Kavkazskoi voiny dlya adygov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): sbornik dokumentov i mat-lov / sost. R. Kh. Gugov, Kh. I. Kasumov, D. V. Shabaev [Tragic consequences of the Caucasian war for the Circassians (second half of the XIX – early XX centuries): a collection of documents and materials. Comp. by R.H. Gugov, H.I. Kasumov, D.V. Shabaev]. – Nalchik: EL'-Fa, 2000. – 464 p. (In Russian)

AVPR – *Arkhiv vneshnei politiki Rossii* [Russian foreign policy archive]. (In Russian)